

УДК 101.1

DOI 10.19181/2227-8656.2020.1.6

**АРХАИЗАЦИЯ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
В ФОКУСЕ НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ
ПРАКТИК
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАРАМЕТРЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**ARCHAIZATION
OF THE RUSSIAN SOCIETY
IN THE FOCUS
OF SCIENTIFIC RESEARCH
PRACTICES
AND METHODOLOGICAL
PARAMETERS
OF RESEARCH**

Ситников Алексей Петрович

Доктор экономических наук, профессор,
Южно-Российский гуманитарный
институт,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: urgi@urgi.info

Aleksey P. Sitnikov

Doctor of Economic Sciences, Professor,
South-Russian Institute
for the Humanities,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: urgi@urgi.info

В статье анализируется научный потенциал исследования такого актуального для современного мира явления, как архаизация, на основании чего формируется авторское методологическое и концептуальное пространство социально-философского изучения архаизации российского общества. В качестве концептуальной позиции признается теория множественности модерна, а потому и альтернатив национальной модернизации. В рамках предлагаемой концепции архаизация, традиционализация и модернизация рассматриваются как модусы традиции – субстанции социокультурной системы, обеспечивающей воспро-

The article analyzes the scientific potential of the study of such an important phenomenon for the modern world as archaization, on the basis of which the author's methodological and conceptual space for the socio-philosophical study of the archaization of Russian society is formed. The concept of the plurality of modernity, and therefore the alternatives to national modernization, is recognized as a conceptual position. In the framework of the proposed concept, archaization, traditionalization and modernization are considered as modes of tradition - a substance of the sociocultural system that ensures reproduction and preservation of the society's cul-

изводство и сохранение культуры общества. Под влиянием социокультурной трансформации традиция способна принимать форму указанных процессов в зависимости от степени разрушения традиционных устоев и основ жизнедеятельности общества и адекватности внедряемых инноваций, их органичности социокультурным корням. Архаизация как модус традиции, в свою очередь, под влиянием социокультурной трансформации может развиваться в формате (модусе) рearchаизации и neoархаизации как следствия взаимодействия с процессами традиционализации и модернизации. На пересечении траекторий развития процессов модернизации и традиционализации формируется модус развития под названием неотрадиционализация. Модусы архаизации (neoархаизации и рearchаизации) по-разному влияют на развитие общественных процессов, и потому архаизация не рассматривается как однозначно регрессивный процесс.

Ключевые слова: архаизация; традиционализация; модернизация; традиция; рearchаизация; neoархаизация; неотрадиционализация; социокультурная трансформация; российское общество.

Under the influence of socio-cultural transformation, the tradition can take the form of these processes, depending on the degree of destruction of traditional foundations and bases of society's life and the adequacy of the implemented innovations, their organic socio-cultural roots. Archaization as a modus of tradition, in turn, under the influence of socio-cultural transformation, can develop in the format (modus) of rearchaization and neoarchaization as a result of interaction with the processes of traditionalization and modernization. At the intersection of the development trajectories of modernization and traditionalization processes, a modus of development called neotraditionalization is formed. The modes of archaization (neoarchaization and rearchization) affect the development of social processes in different ways, and therefore archaization is not considered as a uniquely regressive process.

Keywords: archaization; traditionalization; modernization; tradition; rearchaization; neoarchaization; neotraditionalization; socio-cultural transformation; Russian society.

Введение

Главным вызовом современности на данном этапе исторического развития является глобализация, вовлекающая весь мир в орбиту открытых финансово-экономических, общественно-политических и культурных связей с использованием информационных технологий (Деягин, 2008. С. 37). Этот исторически обусловленный процесс, ставший следствием всей траектории развития человеческого общества, самым непосредственным образом влияет на сознание, поведение и внутренний мир каждого человека, общества, но не всегда удается легко и успешно интегрироваться в этот глобальный мир, адаптироваться в нем, особенно если общество находится в стадии трансформации, пережив социокультурную травму, если проводимые реформы неадекватны социокультурным реалиям общества и входят в противоречие с ними. Именно тогда происходит обращение к прошлому опыту как понятному, апробированному, задающему прогнозируемый алгоритм

социокультурных практик и, соответственно, некоторую степень определенности, устойчивости, в отличие от неопределенности, рискогенности и неустойчивости современности. Проводником прошлого в мир настоящего становится идеализация прошлого, которое становится символом мобилизации и консолидации общества, погрузившегося в состояние социального хаоса и неопределенности (Звягельская, 2016).

Яркой и определяющей особенностью современной российской социокультурной реальности выступает архаизация. К ней подводят все размышления, вписанные в дискурс о социокультурной динамике современного российского общества с учетом всей траектории его развития. С ней, как правило, связывают кризисную конфигурацию не только настоящего, но и обозримого будущего страны, поскольку, при всей закономерности проявления архаического в социокультурной динамике любого общества, в российской современной реальности архаика становится явно демодернизирующим фактором, поскольку в значительной степени детерминирует социокультурные процессы.

Что же в этой ситуации стоит предпринять и можно ли предпринять, чтобы от очевидной демодернизации перейти к эффективной модернизации, перестав топтаться на «пороге современности» (Поляков, 1998. С. 164)? Можно ли окончательно порвать с архаикой, если в ней вся проблема, и стоит ли это делать?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо на глубоком социально-философском уровне проникнуть в суть данного феномена и специфику его проявления в современной российской действительности. Тем самым актуальность социально-философского исследования архаизации в российском обществе определена необходимостью расширения методологического пространства и потенциала социально-философского изучения разнообразных проявлений, тенденций, уровней и форм архаизации в российском обществе.

Архаизация российского общества в фокусе научно-исследовательских практик

Палитра сложившихся направлений изучения архаизации российского общества в социально-гуманитарном знании достаточно разнообразна и отражает все многообразие и историю дисциплинарных практик исследования данного феномена. В целом можно выделить такие направления:

– методологические аспекты и разработки архаизации (Ахиезер, 2001; Ламажаа, 2010, 2013; Сычева, 2018), в своем большинстве отсылающие к специфике социальной трансформации (Ламажаа, 2011) и

модернизации российского общества (Поляков, 1998);

– проявление архаизации в отдельных социальных практиках и сферах социальной жизни российского общества (Ачкасов, 1997; Исаков, 2011; Клименко, 2013; Козюк, 2017; Копаев, 2017) с акцентом на властно-политической, правовой, образовательной, экономической и семейной сферах;

– специфика проявления архаизации в социокультурных процессах, в том числе в историко-культурной траектории и социальных институтах (Карнаушенко, 2016; Ревуцкая, 2013; Сергеев, 2012; Хоружая, 2017);

– архаизация массового сознания и поведения в российском обществе как проявление кризисных тенденций в развитии социума (Мариненко, 2017; Поморцева, 2009; Скворцов, 2019; Чирина, 2007);

– региональная специфика архаизационных процессов (Воробьев, 2019; Дибиров, 2014; Ламажаа, 2014; Пусько, 2019), объясняющая динамику архаизационных процессов устойчивостью традиционных основ жизнедеятельности в регионах страны.

При всем многообразии работ по проблеме архаизации и аспектов ее изучения в контексте реалий российского общества трактовок данного феномена сравнительно немного. Базовым из них является определение, данное А.С. Ахиезером, согласно которому архаизация есть «результат следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в пластах культуры, сформировавшихся в более простых условиях и не отвечающих сегодня возрастающей сложности мира, характеру и масштабам опасностей» (Ахиезер, 2001). Последующие определения во многом пересекаются с этим определением. Так, А.А. Чирина понимает под архаизацией «социокультурный процесс упрощения, примитивизации сложной социальной системы, которая, достигнув крайней точки пика кризиса, стремительно деградирует к тем формам социальной и культурной жизни, которые, казалось бы, ею давно уже пройдены» (Чирина, 2007. С. 40), а Ч.К. Ламажаа в самом общем виде процессы архаизации общества рассматривает как стихийный возврат населения в период трансформации к древним (архаическим) пластам культуры и социальным отношениям (Ламажаа, 2013). При этом указывается, что «чем сильнее проявляется архаизация, тем более драматично разворачивается социальная трансформация» (Ламажаа, 2013. С. 52).

Другие ученые архаизацию интерпретируют как «вытеснение из общества, культуры и повседневных практик новообретенных (современных) элементов и активизацию более традиционных, прежде по-

давленных или прятывшихся в тени» (Исаков, 2011). Архаизация, с их точки зрения, которой придерживаются и другие ученые (Зарубина, 2013), означает упрощение общества, снижение уровня сложности его основных структур и оживление первичных (архаичных) типов социальности.

Архаизация также рассматривается как «воспроизводство каких-то социальных практик, зародившихся в глубокой древности (обычно на догосударственном этапе развития социальной общности), в современных условиях в специфических социальных ситуациях, которые сделали их востребованными, а порой и эффективными» (Козюк, 2017. С. 123). Как видим, в данном определении также проводится ключевая идея о возврате к древним социальным практикам, которые как-то сохранились в современных сообществах и, будучи востребованными, стали возрождаться, а их возможная эффективность и является фактором жизнеспособности.

Собственно, эта идея содержания элементов архаического в современном лежит в основе концепции архаизации В.Г. Федотовой, рассматривающей архаизацию как нечто укорененное в культуре и психике народа и оживающее в период радикальных реформ и социальных потрясений (Федотова, 2005. С. 84), символизирующее реакцию общества на неорганичность социальных нововведений в традиционной культуре общества в условиях разрушения сложившегося социального порядка и привычных форм жизнедеятельности и адаптации.

Большинство ученых солидаризируются при оценке архаизации с точки зрения ее негативного (деструктивного) влияния на социокультурную динамику (Абдрахманов, 2014; Хоружая, 2017), рассматривая архаизацию как регресс, символизирующий возврат к догосударственным формам деятельности и культуры. Но в ряде случаев, как считают исследователи, архаизация может рассматриваться как необходимость, вызванная самой реальностью, и в этом аспекте она предстает в виде социального механизма выживания, самосохранения общества (Хачатурян, 2009. С. 144), поскольку позволяет упорядочить (хоть и в несколько упрощенном виде) протекание социальных процессов и нормализовать систему социального взаимодействия с опорой на хорошо понятные, апробированные в прошлом практики.

Итак, архаизация как проблема обладает собственной историей исследований и позиционируется в социальных науках на основе различных дисциплинарных направлений и подходов. Формулирование и актуализация в социально-гуманитарном знании феномена архаизации

современного российского общества исходят из рассмотрения особенностей ее выражения в социокультурном поле и связаны с необходимостью дальнейшей концептуальной углубленной разработки достигнутого знания.

Архаизация российского общества: методологические параметры исследования

Принципиально важным методологическим основанием для нас выступает положение о том, что вся история теории модернизации своим логическим итогом на современный день имеет признание множественности модерна, а потому и альтернатив национальной модернизации, совершенно необязательно в качестве образца имеющей образ западной модернизации (Лапин, 2011; Пляйс, 2009; Штомпка, 2013; Eisenstadt, 1999), тем более что наличие такого образца и следование ему автоматически придают модернизационному процессу догоняющий характер. История модернизации России показала, что эффекта от этого модернизационного пути немного, а потому «приведение чего-либо в современное состояние» как выражение сущности модернизации (Пляйс, 2009. С. 3) остается и по сей день самым актуальным вопросом российской действительности. Определение того, что есть современное состояние и как к нему прийти, должно составлять предмет разработки собственной (национальной) стратегии модернизации, и опыт ряда незападных стран (часто в качестве примера приводится опыт Японии и КНР (Гранин, 2017)) доказывает состоятельность данного подхода. В этом же ключе о модернизации пишет Н.Н. Зарубина, рассматривая постмодернистский поворот в изучении модернизации, связанный с восприятием данного процесса как множественного, принимающего различные формы в разных культурных контекстах (Зарубина, 2013. С. 188).

Следуя логике подобных суждений, необходимо исходить из собственных социокультурных оснований, разрабатывая и реализуя модернизационные проекты, которые должны опираться на социокультурные корни общества, содержащие в себе априори элементы архаического. Данный методологический посыл находит выражение в концепции архаизации В.Г. Федотовой, исходящей из того, что архаическое существует в обществах любого типа, как традиционного, так и современного, и в определенные периоды социальной трансформации, в турбулентной ситуации, это архаическое способно ожить, став составной и важной частью вектора общественного развития (Федотова, 2005. С. 84), символизирующее реакцию общества на неорганичность

социальных нововведений в традиционной культуре общества в условиях разрушения сложившегося социального порядка и привычных форм жизнедеятельности и адаптации.

При этом принципиально важно понимать, и на это указывают исследователи, что включение элементов архаики в современность не дает оснований для того, чтобы считать его полностью архаическим в условиях, когда современный мир утратил базовые характеристики архаического общества – «стабильность мировоззрения, устойчивая картина мира, каноничный порядок вещей, фиксированная символическая функция, возвращающая предметы и явления из профанного мира в сакральное состояние» (Исаков, 2011. С. 386). Востребованность архаики именно с этим и связана – с попыткой найти ту картину мира, которая хотя бы в какой-то степени вывела на мировоззренческие основания, удовлетворяющие запрос на стабильность, определенность, безопасность – все то, чего лишен современный мир.

Таким образом, очевидно, что реализация модернизационных процессов не может не совершаться вне учета архаического элемента, включенного в механизм общественного развития, а если признать в качестве верной позицию об архаическом характере развития российского общества как типичного для его истории вообще, в которой архаический элемент проявлял себя в различной степени на тех или иных этапах развития социума, но всегда был значимой составляющей этого развития, то тогда представить модернизацию страны без учета архаических процессов в принципе невозможно. Так, согласно точке зрения Д.В. Сергеева, «мощный источник архаизации был сформирован в условиях тоталитарного общества. В дальнейшем произошло значительное смягчение этого процесса, но не его прекращение. Переломные события конца XX в. могут считаться второй волной архаизации (по Ахиезеру даже не второй, а очередной), которая реализовывалась с опорой на уже выработанные в коллективном сознании россиян мифологические модели» (Сергеев, 2011. С. 128).

А.В. Матецкая также рассматривает советскую культуру в категориях архаичности, поскольку ее целостность была достигнута за счет «монополии тотальной государственной идеологии, задающей общие мировоззренческие ориентиры всем культурным подсистемам – от науки до экономики и бытовой морали. В этом плане тотальная идеология была функционально тождественна религии в средневековых обществах» (Матецкая, 2015. С. 40). Возврат к советскому опыту в данном контексте справедливо рассматривать как вторую волну архаизации, если вести отсчет этим волнам с начала XX в., и это обстоятель-

ство также принципиально важно для нашего методологического конструкта и исследовательской схемы, в которой с опорой на идеи В.Г. Федотовой о трех секторах российского общественного состояния с доминированием различных типов сознания (традиционный, модернизированный и разрушенный, т.е. архаичный) (Федотова, 2012) выделяются три формы (модуса) социокультурного развития российского общества в период социокультурных трансформаций:

1. Архаизация – процесс, характеризующий развитие общества в координатах прошлого социального опыта, актуализированного ввиду неспособности общества адаптироваться к изменившейся под влиянием социокультурной трансформации реальности и закрепляющегося в социокультурных практиках и массовом сознании как более эффективного в условиях разрушения привычных (традиционных) форм жизнедеятельности.

2. Традиционализация – процесс, характеризующий развитие общества в границах традиционного социального опыта, не утратившего актуальности в современной реальности и закрепляющегося в социокультурных практиках и массовом сознании как более эффективных в условиях социокультурной трансформации общества.

3. Модернизация – процесс, характеризующий развитие общества в логике освоения нового социального опыта и форм жизнедеятельности, более адекватного современным реалиям в период социокультурной трансформации, нежели опыт прошлого (архаичный) или современный (традиционный) опыт.

Мы исходим из того, что архаизация может выступать как в виде стихийных (нерефлексируемые, иррациональные, неосознанные), так и рациональных (осознанные, рефлексивные) процессов и практик, хотя в концепции К.Ч. Ламажаа она характеризуется с сугубо стихийных позиций, определяющих ее отличие от традиционализации и неотрадиционализации (Ламажаа, 2011). Исходя из иного критерия различения архаического и традиционного – действенности социокультурного опыта, его включенности в социальные практики в конкретный исторический период времени, восприятия как адекватного этому времени или привнесенного из другой эпохи, мы полагаем, что архаизация, имея уровни и формы (модусы) проявления (политика, идеология, культура, семья и т. д.), продуцируется в массовом политическом сознании не только как продукт стихийных практик, но и, как отмечают исследователи, «в результате целенаправленного манипулятивного воздействия властвующего субъекта (политической элиты, доминирующей социальной группы)» (Исаков, 2011. С. 389). Безусловно, это

манипулятивное, целенаправленное воздействие на массовое сознание и поведение оказывается возможным благодаря наличию в ментальности народа определенных архаических установок и представлений, что и придает зачастую, казалось бы, совершенно очевидным манипулятивным, целенаправленным, осознанным архаическим практикам облик стихийных, не связанных с детальностью, определенных социальных акторов и сил.

Источником порождения и развития данных процессов в координатах регресса, самосохранения или прогресса является трансформация традиции как субстанции социокультурной системы, которая обеспечивает воспроизводство и сохранение культуры общества, и в этом смысле традиция по смыслу перекликается с понятием культуры, что находит отражение в социально-гуманитарной мысли и практике изучения традиции (Гофман, 1998; Штомпка, 1996). Так, согласно точке зрения Р. Лоуи, «культура – это не что иное, как совокупность общественных традиций» (Хупения, 2016. С. 17). Близкая связь традиции и культуры просматривается в определении А.Б. Гофмана, который трактует ее как «социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени» и относит к ней «определенные культурные образцы, социальные институты, нормы, ценности, знания, обычаи, ритуалы, стили и т. д.» (Гофман, 1998. С. 265).

И здесь интерес представляют теоретические идеи Э. Дюркгейма, который интерпретировал традицию как ту силу, которая задает импульс социальной эволюции и является по сути ее источником (Гофман, 2007). Сама традиция, согласно мнению П. Штомпки, представляет собой совокупность «объектов и идей, истоки которых коренятся в прошлом, но которые можно обнаружить в настоящем, т. е. это все то, что не было уничтожено, выброшено и разбито, и в данном случае традиция равносильна наследию – тому, что реально сохранилось от прошлого» (Штомпка, 1996. С. 96). В этом нам и видится отличие традиции от архаики – традиция базируется на том, что в условиях реальности еще действует, сохраняет свою силу, детерминирует социокультурное воспроизводство, не став частью забытого прошлого, уже не использующегося в настоящем. А потому традиция может рассматриваться как нечто «чрезвычайно широкое, почти совпадающее с понятием культуры» (Radin, 1949. P. 62).

Вот это «почти», с нашей точки зрения, связано с тем, что традиция представляет собой не только само культурное наследие, но и механизм его передачи. А потому сама традиция может рассматриваться

как механизм социокультурной динамики, и этот подход достаточно прочно утвердился в современной философской традиции (Тарасов, 2016), а трансформация традиции – как источник тех явлений, которые мы обозначили как архаизацию, традиционализацию и модернизацию.

Итак, архаизация, традиционализация и модернизация в рамках предлагаемой концепции и методологии исследования рассматриваются как модусы традиции. Согласно Новой философской энциклопедии, модус (лат. *modus* – «мера, способ, образ, вид») представлен в самых различных интерпретациях в истории философской мысли: как случайное, несущественное свойство предмета, присущее ему не постоянно, а лишь в некоторых состояниях; как способ бытия, действия, мышления, переживания; как способы бытия субстанции; как атрибуты и качества, воздействующие на субстанцию (Р. Декарт); как «состояние субстанции» (Спиноза); понятия, зависимые от субстанции (Д. Локк) (Останина). В философии также принято говорить о модальности, которая рассматривается как категория, выражающая сущностную вариативность бытия, а понятие модуса – как родственное этой категории (Медова).

Таким образом, в большинстве случаев модус рассматривается как выражение субстанции, способ ее существования, характер (свойства, черты, типы) проявления, отражающий ее вариативную сущность в череде влияющих на модусы причин, факторов и аспектов. На этом, собственно, мы и будем основываться, говоря о модусах в данной работе.

Итак, под влиянием социокультурной трансформации традиция как субстанция способна принимать форму указанных процессов (архаизации, традиционализации и модернизации). Так, в ситуации разрушения традиционных устоев и основ жизнедеятельности общества при неадекватности внедряемых инноваций, их неорганичности социокультурным корням она продуцирует архаические процессы. При сохранении и усилении традиционных устоев и основ жизнедеятельности в условиях трансформации общества проявляет себя процесс традиционализации, а в случае отказа от прошлого социального опыта и обновления традиционных форм жизнедеятельности в рамках освоения нового социального опыта с учетом его органичности социокультурным основаниям общества последнее развивается по пути модернизации.

Архаизация как модус традиции, находящейся под влиянием социокультурной трансформации, в свою очередь, может развиваться в формате (модусе) реархаизации и неоархаизации как следствия взаимодействия с процессами традиционализации и модернизации. На пересечении траекторий развития процессов модернизации и традицио-

нализации формируется модус развития под названием неотрадиционализация.

Неоархаизация (или «современная архаика» (Штомпель, 2010. С. 38), как еще в отечественной научной традиции называют данный процесс) – результат совмещения архаических и модернистских форм общественной жизни в период социокультурной трансформации и значительного снижения адаптивного потенциала традиционных устоев и форм жизнедеятельности, что характеризует социокультурное развитие общества в противоречивом, зачастую неэффективном ключе, но содержит при определенных условиях (эффективная политика государства, мобилизация масс и т. д.) потенциал перехода к модернизационной стратегии. Как пример, высокий уровень патерналистских и державных установок при сохраняющейся значимости и ценности демократических свобод в российском обществе оставляет надежду на модернизацию общества в демократическом ключе ввиду наличия в массовом сознании установок на демократические ценности и свободы.

В случае реархаизации такой (модернизационной) надежды практически нет, так как сам по себе данный процесс становится результатом актуализации прошлого социального опыта, по своему происхождению также архаического, и реставрации обеспечивающих его воспроизводство в условиях новой реальности социальных институтов при опоре на традиционные устои и формы общественной жизни, имманентно содержащие в себе архаические элементы. Этот модус архаизации не содержит в себе ценностей, установок и представлений, соответствующих модусу модернизации, а потому переход к нему предполагает сначала возврат к традиционализации как устойчивой форме социокультурного развития с последующим включением элементов новых форм жизнедеятельности. В качестве примера реархаизации выступает восстановление в современных реалиях элементов советского общества, которое само во многом стало результатом резкого слома привычных (традиционных) устоев и форм жизнедеятельности в период революции 1917 г. и «оживления» архаических форм сознания и поведения в период перехода к социалистическому строю.

Неотрадиционализация – пожалуй, самый позитивный из указанных модусов, поскольку его формирование происходит на перенесении материнских модусов традиционализации и модернизации, что символизирует органичный традиции характер внедряемых инноваций (или определенной части из них) и позволяет прогнозировать пусть не стремительную, но поступательную модернизацию общественной жизни.

Тем не менее все три модуса (реархаизация, неоархаизация, неотрадиционализация), имея единый источник происхождения и производные от взаимовлияния базисных модусов традиции (архаизации, традиционализации и модернизации), по своей сути, есть выражение социальной турбулентности и неустойчивости, незавершенности порождающих их базисных процессов и кризисности самой субстанции социокультурной системы – традиции. Какой из векторов выступает доминантным в российской реальности, по сути, определяет ситуацию социокультурного развития и оценки социокультурной трансформации.

Модусы архаизации – неоархаизация и реархаизация – по-разному влияют на развитие общественного процесса, и потому в нашей концепции архаизация не рассматривается как однозначно регрессивный процесс, что согласуется с позицией К.Ч. Ламажаа, которая также говорит о диалектическом потенциале архаизации, содержащей в себе такие противоположные функции, как разрушение и созидание. Последняя проявляет себя как адаптивная, позволяющая социокультурной системе выжить в крайне критических условиях за счет обращения общества к культурным программам и практикам, доказавшим свою эффективность в прошлом (Ламажаа, 2011. С. 36).

Вывод

В научном дискурсе сложилось достаточно много направлений изучения архаизации российского общества, имеющих дисциплинарную специфику. Архаизация стала предметом исследования в российских политологических, культурологических, социологических, исторических, лингвистических, философских работах. Научный дискурс представлен не только различными аспектами ее изучения с точки зрения методологической разработки, проявления в отдельных сферах социальной жизни, в социокультурных процессах и социальных институтах, региональной специфики архаизационных процессов, но и оценочными суждениями. Последние в своем большинстве имеют отрицательные коннотации с оценкой архаизации как регрессивного явления, хотя есть и менее критические подходы к оценке роли архаики в жизни российского общества, объясняющие как закономерность архаических процессов в современном мире, так и их жизненную необходимость в определенные периоды общественного развития. И в этом случае архаизация рассматривается как социальный механизм выживания общества за счет возвращения к практикам понятного, хоть и упрощенного социального порядка и социальные взаимодействия. Данная позиция близка и нам, а потому использована в рамках разработки авторского

методологического конструкта, в котором архаизация предстает как один из модусов развития социокультурной системы в эпоху трансформации. Наряду с этим процессом в авторской методологической конструкции выделяются процессы традиционализации и модернизации. Источником указанных процессов (архаизация, традиционализация и модернизация) в рамках предлагаемой концепции и методологии исследования выступает традиция, трансформация которой и порождает данные процессы, рассматриваемые как модусы традиции – субстанции социокультурной системы, обеспечивающей воспроизводство и сохранение культуры общества. В зависимости от степени разрушения традиционных устоев и основ жизнедеятельности общества и адекватности внедряемых инноваций, их органичности социокультурным корням социума в нем доминируют архаические, традиционалистские или модернистские процессы. В свою очередь, архаизация как модус традиции может принимать две основные формы (модуса) – рearchаизации и neoархаизации. Эти модусы возникают в результате пересечения в обществе процессов традиционализации и модернизации, в то время как на пересечении траекторий развития процессов модернизации и традиционализации возникает такое явление, как неотрадиционализация.

В авторской методологической концепции модусы архаизации (neoархаизации и рearchаизации) рассматриваются как диалектические с точки зрения их функциональной специфики и роли в динамике общественных процессов, т. е. их влияние может иметь как разрушительный, так и созидательный эффект. Все зависит от конкретной социокультурной ситуации и реализуемых в пространстве социокультурной трансформации социальных практик архаизации, которые могут носить как стихийный, иррациональный, неосознанный, так и рациональный, осознанный характер.

Литература

Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М. Деструктивные аспекты социальных трансформаций: аномия, архаика, девиация // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3 (19). С. 94–101.

Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 89–100.

Ачкасов В.А. «Взрывающаяся архаичность»: традиционализм в политической

References

Abdrakhmanov, D.M., Buranchin, A.M. (2014). Destructive aspects of social transformations: anomie, archaic, deviation. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 3 (19), 94-101. (in Russian).

Akhiezer, A.S. (2001). Archaization in Russian society as a methodological problem. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2, 89-100. (in Russian).

Achkasov, V.A. (1997). "Exploding archaism": traditionalism in the political life

жизни России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 160 с.

Воробьев Г.А., Кумыков А.М., Хунагов Р.Д., Тарасенко Л.В. Архаизация и неотрадиционализация социального поведения на Юге России в координатах социальной консолидации // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 7. С. 86–94.

Гофман А.Б. Проблематика традиции в творчестве Эмиля Дюркгейма // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 63–73.

Гофман А.Б. Традиции // Культурология. XX век : энциклопедия : в 2 т. / ред. С.Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 2. 447 с.

Гранин Ю.Д. Запад и альтернативные стратегии модернизации // Век глобализации. 2017. № 3. С. 17–30.

Делягин М.Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис. М.: Вече, 2008.

Дибиров А.-Н.З. Дагестан сегодня: архаизация, или затянувшийся кризис традиционного общества // Исламоведение. 2014. № 1. С. 91–98.

Зарубина Н.Н. О теоретических подходах к исследованиям модернизации России в условиях сложного социума // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1.

Зарубина Н.Н. Упрощение массовых социальных практик как вектор трансформации повседневности в сложном социуме // Историческая психология и социология истории. 2013. № 2. С. 29–45.

Звягельская И. Архаизация в арабском мире: после и вместо революций // Россия и мусульманский мир. 2016. № 2 (284). С. 138–157.

Исаков А.Л., Ермоленко В.В. Моделирование архаизации политического процесса как методологическая проблема социально-гуманитарного знания // ИВД. 2011. № 3. С. 385–389.

Карнаушенко Л.В. Институт права в аспекте процессов архаизации и модернизации современного общества // Вестник КРУ МВД России. 2016. № 2 (32). С. 88–92.

Клименко Л.В. Гендерные диспозиции в современной северокавказской се-

of Russia. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU. (in Russian).

Vorobev, G.A., Kumykov, A.M., Khunagov, R.D., Tarasenko, L.V. (2019). Archaization and non-traditionalization of social behavior in the South of Russia in the coordinates of social consolidation. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, 7, 86-94. (in Russian).

Hoffman, A.B. (2007). Problems of tradition in the work of Emil Durkheim. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 4, 63-73. (in Russian).

Hoffman, A.B. (1998). Traditions. *Culturology. XX century. Encyclopedia in 2 volumes*. S.Ya. Levit (Ed.). SPb.: Universitetskaya kniga, 2. (in Russian).

Granin, Yu.D. (2017). West and alternative modernization strategies. *Vek globalizatsii*, 3, 17-30. (in Russian).

Delyagin, M.G. (2008). The drive of humanity. Globalization and the global crisis. M.: Veche. (in Russian).

Dibirov, A.-N.Z. (2014). Dagestan today: archaization, or the protracted crisis of traditional society. *Islamovedeniye*, 1, 91-98. (in Russian).

Zarubina, N.N. (2013). On theoretical approaches to studies of modernization of Russia in a complex society. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 1. (in Russian).

Zarubina, N.N. (2013). The simplification of mass social practices as a vector of transformation of everyday life in a complex society. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, 2, 29-45. (in Russian).

Zvyagelskaya, I. (2016). Archaization in the Arab World: after and instead of revolutions. *Rossiya i musul'manskiy mir*, 2 (284), 138-157. (in Russian).

Isakov, A.L., Ermolenko, V.V. (2011). Modeling the archaization of the political process as a methodological problem of socio-humanitarian knowledge. *IVD*, 3, 385-389. (in Russian).

Karnaushenko, L.V. (2016). The Institute of Law in the aspect of the processes of archaization and modernization of modern society. *Vestnik KRU MVD Rossii*, 2 (32), 88-92. (in Russian).

Klimenko, L.V. (2013). Gender dispositions in the modern North Caucasian family:

мье: модернизация или архаизация // Женщина в российском обществе. 2013. № 1. С. 20–31.

Козюк М.Н. Медиация между архаической и модерном // Философия права. 2017. № 3 (82). С. 123–129.

Копеев Е.Н. Проблема архаизации сознания российской правящей элиты // Власть. 2017. № 1. С. 25–27.

Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Гуманитарные науки: теория и методология. 2011. № 3. С. 35–42.

Ламажаа Ч.К. Архаизация общества. Тувинский феномен. М.: Либроком, 2013. 272 с.

Ламажаа Ч.К. Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 88–93.

Ламажаа Ч.К. Концепции архаизации общества в отечественном обществознании // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 33–41.

Ламажаа Ч.К., Абдулаева М.Ш. Архаизация и неотрадиционализм: российские региональные формы // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 68–80.

Лалин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 3–17.

Мариненко Я.С. Тенденция архаизации российского общественного сознания в свете акций Александра Бренера и Pussy Riot // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 420. С. 105–107.

Матецкая А.В. Проблема архаизации постсоветской культуры // Труды Санкт-Петербургского государственного ин-та культуры. 2015. Т. 208, ч. 2.

Медова А.А. К проблеме бытования понятия «модальность» в современном гуманитарном и философском знании. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-bytovaniya-ponyatiya-modalnost-v-sovremennom-gumanitarnom-i-filosofskom-znani>.

Останина О.А. Новая философская энциклопедия. Режим доступа: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/%D0%9C%D0%9E%D0%94%D0%A3%D0%A1.

modernization or archaization. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 1, 20-31. (in Russian).

Kozyuk, M.N. (2017). Mediation between archaic and modern. *Filosofiya prava*, 3 (82), 123-129. (in Russian).

Kopayev, E.N. (2017). The problem of archaization of consciousness of the Russian ruling elite. *Vlast'*, 1, 25-27. (in Russian).

Lamazhaa, Ch.K. (2011). Archaization of society during the period of social transformations. *Gumanitarnyye nauki: teoriya i metodologiya*, 3, 35-42. (in Russian).

Lamazhaa, Ch.K. (2013). Archaization of society. Tuvan phenomenon. M.: Librocom. (in Russian).

Lamazhaa, Ch.K. (2010). Archaization, traditionalism and neotraditionalism. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 2, 88-93. (in Russian).

Lamazhaa, Ch.K. (2013). Concepts of the archaization of society in domestic social science. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 4, 33-41. (in Russian).

Lamazhaa, Ch.K., Abdulaeva, M.Sh. (2014). Archaization and neotraditionalism: Russian regional forms. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 3, 68-80. (in Russian).

Lalin, N.I. (2011). Sociocultural factors of Russian stagnation and modernization. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 9, 3-17. (in Russian).

Marinenko, Ya.S. (2017). The tendency to archaize Russian public consciousness in the light of the actions of Alexander Brener and Pussy Riot. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta*, 420, 105-107. (in Russian).

Matetskaya, A.V. (2015). The problem of archaization of post-Soviet culture. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 208, 2. (in Russian).

Medova, A.A. To the problem of the existence of the concept of “modality” in modern humanitarian and philosophical knowledge. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-bytovaniya-ponyatiya-modalnost-v-sovremennom-gumanitarnom-i-filosofskom-znani>.

Ostanina, O.A. New philosophical encyclopedia. Available at: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/%D0%9C%D0%9E%D0%94%D0%A3%D0%A1.

Пляйс Я.А. Тотальная системная модернизация – абсолютный императив для России // *Власть*. 2009. № 8. С. 3–10.

Поляков Л.В. Путь России в современность: модернизация как деархаизация. М., 1998. 202 с.

Поморцева А.М. Цивилизационный разлом (вызов) и архаизация сознания человека (ответ) // *Наука. Инновации. Технологии*. 2009. № 2. С. 44–50.

Пустько В.С., Скворцов Н.Г., Курбатов В.И., Щербаклова Л.И., Васьков М.А. Инновационные и инерционные процессы в развитии российских регионов в условиях архаизации общества: проблемы моделирования и управления // *Социально-гуманитарные знания*. 2019. № 7. С. 36–44.

Ревуцкая Е.А. Архаизация в российском социокультурном процессе // *Грамота*. 2013. № 4 (30). С. 150–153.

Сергеев Д.В. Процессы архаизации в тоталитарной советской культуре // *Гуманитарный вектор*. 2011. № 2.

Сергеев Д.В. Социально-культурная ситуация в России начала XXI в.: рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика // *Мир России. Социология. Этнология*. 2012. № 3. С. 100–118.

Скворцов Н.Г., Кумыков А.М., Пустько В.С., Агапова Е.А. Демонстративное потребление в условиях архаизации российского общества // *Социально-гуманитарные знания*. 2019. № 7. С. 110–117.

Сычева Т.М. Проблема архаизации: некоторые методологические подходы // *Манускрипт*. 2018. № 5 (91).

Тарасов А.Н. Механизмы динамики культуры в процессе социокультурной трансформации // *Общество: философия, история, культура*. 2016. № 5. С. 26–29.

Федотова В.Г. Архаизация в современном мире // *Философские науки*. 2012. № 5. С. 26–36.

Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

Хачатурян В.М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М., 2009.

Хоружая С.В., Салчинкина А.Р. Ар-

Pleis, Ya.A. (2009). Total systemic modernization is an absolute imperative for Russia. *Vlast*, 8, 3-10. (in Russian).

Polyakov, L.V. (1998). Russia's path to modernity: modernization as dearchaization. M. (in Russian).

Pomortseva, A.M. (2009). Civilization fault (challenge) and archaization of human consciousness (response). *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii*, 2, 44-50. (in Russian).

Pusko, V.S., Skvortsov, N.G., Kurbatov, V.I., Shcherbakova, L.I., Vaskov, M.A. (2019). Innovative and inertial processes in the development of Russian regions in the context of the archaization of society: problems of modeling and management. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, 7, 36-44. (in Russian).

Revutskaya, E.A. (2013). Archaization in the Russian sociocultural process. *Gramota*, 4 (30), 150-153. (in Russian).

Sergeev, D.V. (2011). The processes of archaization in totalitarian Soviet culture. *Gumanitarnyy vektor*, 2. (in Russian).

Sergeev, D.V. (2012). The socio-cultural situation in Russia at the beginning of the 21st century: recurrent culture, archaization, invented archaism. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 3, 100-118. (in Russian).

Skvortsov, N.G., Kumykov, A.M., Pusko, V.S., Agapova, E.A. (2019). Demonstrative consumption in the conditions of archaization of Russian society. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, 7, 110-117. (in Russian).

Sycheva, T.M. (2018). The problem of archaization: some methodological approaches. *Manuskript*, 5 (91). (in Russian).

Tarasov, A.N. (2016). Mechanisms of cultural dynamics in the process of sociocultural transformation. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 5, 26-29. (in Russian).

Fedotova, V.G. (2012). Archaization in the modern world. *Filosofskiye nauki*, 5, 26-36. (in Russian).

Fedotova, V.G. (2005). Good society. M.: Progress-Traditsiya. (in Russian).

Khachaturian, V.M. (2009). “Second Life” of the archaic: archaic tendencies in the civilization process. M. (in Russian).

Khoruzhaya, S.V., Salchinkina, A.R.

хаизация и деградация в социокультурном пространстве // Манускрипт. 2017. № 5 (79). С. 194–196.

Хупения Н.Р. Смысловое многообразие понятия традиции // Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being. 2016. № 2.

Чирина А.А. Архаизация массового сознания в условиях трансформирующегося социума // Вестник Мордовского ун-та. 2007. № 2. С. 37–41.

Штомпель Л.А., Штомпель О.М. Архаизация современной культуры: необходимость или случайность? // Ценности и смыслы. 2010. № 1 (4).

Штомпка П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6 (30). С. 119–126.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

Eisenstadt S.N. Multiple Modernities in an Age of Globalization // Grenzenlose Gesellschaft. 1999. Teil. 1. S. 37–50.

Radin M. Tradition // Encyclopedia of social sciences. New York, 1949. Vol. XV. P. 62–67.

(2017). Archaization and degradation in the socio-cultural space. *Manuskript*, 5 (79), 194-196. (in Russian).

Khupeniya, N.R. (2016). The semantic diversity of the concept of tradition. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, 2. (in Russian).

Chirina, A.A. (2007). Archaization of mass consciousness in the conditions of a transforming society. *Vestnik Mordovskogo un-ta*, 2, 37-41. (in Russian).

Shtompel, L.A., Shtompel, O.M. (2010). Archaization of modern culture: necessity or chance? *Tsennosti i smysly*, 1 (4). (in Russian).

Shtompka, P. (2013). Modernization as a social formation (10 theses on modernization). *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 6 (30), 119–126. (in Russian).

Shtompka, P. (1996). Sociology of social change. M.: Aspect Press. (in Russian).

Eisenstadt, S.N. (1999). Multiple Modernities in an Age of Globalization. *Grenzenlose Gesellschaft*, 1, 37-50.

Radin, M. (1949). Tradition. *Encyclopedia of social sciences*. New York, XV, 62-67.

Поступила в редакцию

7 октября 2019 г.